

АЛЕСЬ КАРЛЮКЕВИЧ

ОТ БРЕСТА — ДО БАРАНОВИЧЕЙ: АДРЕСА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В БЕЛАРУСИ

Есть ли у художественного слова география? И как её определить? Брать за основу содержание того или иного произведения? Учитывать адрес, где оно было написано? Или же заглядывать в биографию автора, отмечая для будущего литературно-географического исследования место его рождения?.. Вот, к примеру, перелистываю я книги русского поэта Валерия Липневича, ныне живущего в Подмоскovie: “Дерево и река” и “Неведомая планета”. Одна издана в Москве, другая – в Минске. “Дерево, река, человек – // как кора старой вербы над ней. // Дерево, река, человек – // слова будто разные, // да все об одном. // Деревья впадают в небо, // как реки в море. // Краткое и зелёное // струится медленно // к вечному и голубому. // Куда текут и впадают // наши жизни? // Медленно – словно дерево. // Стремительно – как река”... Эти строки – из стихотворения “Дед”, завершающего книгу “Дерево и река”. Знаю, что, как и все остальные, оно написано в деревне Дудичи Пуховичского района, что на Минщине, “в дедовой хате”... Но если это стихотворение рассказывает о родном, близком человеке, показывает, если хотите, социальную и политическую историю прежней Беларуси и даже преподносит урок экономической географии (“Дед глядит со стены. // Острые, как два сучка, // глаза пронизывают насквозь. // – 100 коней // одного пана везут! // Сколько ж коров за такие деньги? // За две раскулачивали...”), то в книгах есть произведения и другого характера, не имеющие столь ярко выраженного местного колорита... Пожалуй, некоторые вопросы, в том числе и те, которые, может быть, и следовало бы ещё задать, останутся в моём документальном повествовании без ответов. Давайте просто вспомним хотя бы некоторые дороги и тропинки Беларуси, по которым прошла, где оставила свой след великая русская литература. А маршруты для нашего литературного путешествия я предлагаю следующие. Покинув пуховичские Дудичи, давайте отправимся на Брестчину. Хотя расставаться с деревенькой на берегу Птичи не очень-то и хочется. В той же “дедовской хате” несколько лет подряд была дорогой гостьей замечательная поэтесса Татьяна Реброва. А стихотворение Андрея Вознесенского “За речкой Птичь” – о соседствующем с деревней музее материальной культуры “Дудутки”. В деревню Птичь – она находится совсем недалеко от музея, через речку, – в гости к журналисту Андрею За-

харенко не раз приезжал санкт-петербургский драматург, прозаик, лауреат многих премий Аркадий Пинчук. У Валерия Липневича повесть есть, которая называется “В кресле под яблоней”, где каждая страница — о Дудичах, окрестностях деревни, о реке с ласкающим сердце, каким-то воздушным названием Птичь. Концовка у повести грустная, пронизывающая сердце: “... Сижу на маленькой скамеечке — мамина — спиной к горячей печке. Осторожно черпаю плотную, почти твердую простоквашу из трехлитровой банки на коленях. Её любимая еда — с картошкой или, как я сейчас, с батоном. Праздник печёной картошки перенёс на завтра. Последние солнечные лучи золотят бока моим вербам, трогают верхушки вишен в канаве, заливают обломанную черешню под моим окном. Может, уже завтра, растроганная майским теплом, брызнет молоком своих почек в доверчивую синеву неба, подарив ему ещё одно, самое малое, облачко.

Вот и прошёл первый майский день первого года третьего тысячелетия. Первый весенний день без матери”.

...И всё-таки нам надо спешить в Брест. Может быть, только переехав мост через Птичь, вспомним ещё, что в этих местах, в пуховичско-руденских лесах партизанил русский поэт и прозаик Всеволод Саблин. Во время немецко-фашистской оккупации он издал в партизанской типографии поэтический сборник “Мстители”. В 1942 году Всеволод Саблин написал стихотворение “В ружьё, белорусский народ!”:

*Народ в ярме, земля в плену...
Позор и стыд молчать!
Твой долг — спасти детей, жену,
Отечество спасти!*

*Твой дом — с винтовкой за плечом
Скорей идти в леса,
С фашистским биться палачом
До смерти, до конца.*

*Народ, в ружьё! Нельзя терпеть,
Нельзя рабами быть!
Уж лучше стоя умереть,
Чем на коленях жить.*

...Русские писатели издавна были связаны с Брестом. В городе над Бугом в 1813–1816 годах служил Александр Грибоедов. Между прочим, в одном полку с отцом Льва Толстого. В Бресте Грибоедов написал свои первые произведения. Его знакомые того периода стали прототипами некоторых персонажей комедии “Горе от ума”. Брест начала XIX века — это и судьбы, и фрагменты творческих и жизненных испытаний Фёдора Глинки, Вильгельма Кюхельбекера, Петра Вяземского, Александра Шаховского. В 1867–1869 годах в Бресте жил русский прозаик Фёдор Решетников (1841–1871). Здесь он завершил работу над третьей частью романа “Глумовы”. Местную жизнь описал в очерках и в комедии “Прогресс в уездном городе”. Имена Грибоедова, Кюхельбекера, Решетникова и других русских поэтов и прозаиков хорошо известны белорусским исследователям, тем, кто занимается литературным краеведением. В Бресте есть даже улица, названная в память о Фёдоре Решетникове. Произведения этого самобытного литератора, как и творческие страницы биографии Александра Грибоедова, подробно прочитаны В. Я. Ляшук и Т. Н. Снитко в книге “Літаратурная Берасцейшчына”. С Брестом связаны судьбы двух русских православных писателей. К сожалению, упоминаются они нечасто. Речь идет о Константине (его отчество история нам не сохранила) и Алексее Константиновиче Зноско. Об отце и сыне. Некоторые страницы их биографии раскрываются в монографии Ю. Лабынцева и Л. Щавинской “Православная литература белорусов современной Польши” (Москва, 2000). Константин Зноско родился в 1865 году в местечке Острино Гродненской губернии. Участвовал в Первой мировой войне — полковым священником 8-го Финляндского стрелкового полка. Служил настоятелем Свято-Николаевской православной церкви в Бресте. Вместе с единомышленниками создал в горо-

де над Бугом “Русский дом”, участвовал в открытии Русской гимназии. Константин Зноско является автором житийных и гимнографических произведений, ряда антиуниатских сочинений, которые переиздаются в разных странах и в наши дни. Назовём хотя бы некоторые из произведений русского церковного писателя: “Житие и страдания святого Афанасия, игумена Брестского” (Варшава, 1931), “Римская неправда о главе Вселенской церкви: Разбор католического учения о панском примате в связи с книгой И. А. Забужного “Православие и Католичество” (Варшава, 1932), “Виленская Островоротная или Остробрамская чудотворная икона Божией Матери” (Варшава, 1932), “Латинизация православного богослужения в униатской церкви” (Варшава, 1932), “Исторический очерк церковной унии: Ее происхождение и характер” (Варшава, 1933; переиздана в Москве – 1993), “Князь Константин Константинович Острожский и его деятельность в пользу Православия” (Варшава, 1933). Умер Константин Зноско в Бресте 18 июня 1943 года. Алексей Константинович Зноско (1912–1994) во многом повторил судьбу своего отца. Так же праведно и искренне служил он православным священником, сначала в Барановичах, затем в Свислочи – на Гродненщине. С 1946 года – в польском Вроцлаве. С 1949-го по 1953 год, более четырех лет, находился в заключении. Власти обвинили его во враждебном отношении к Польской Народной Республике. С 1960 года служил в Варшаве, преподавал в Христианской технологической академии. А до этого, в 1959 году, – в Прешовском университете (Словакия) защитил докторскую диссертацию. Алексей Константинович издал книги “Акафистное творчество Русской Православной Церкви, 1628–1959” (Варшава, 1989), “Опыт личного акафистного творчества” (Варшава, 1989) и ряд других произведений. Умер церковный писатель, большие дороги которого начинались в Бресте, в Ломже в 1994 году. Брест можно по праву считать особым персонажем русской поэзии и русской прозы. В ноябре 1956 года в городе был открыт Музей героической обороны Брестской крепости. Есть в этой обители исторической памяти специальный стенд, посвященный Сергею Смирнову (1915–1978), автору документальной книги “Брестская крепость”, отмеченной Ленинской премией. Одна из улиц города носит имя Сергея Смирнова, который, кстати, был почётным гражданином Бреста. В краеведческом справочнике “Литературные места Беларуси, книга первая: Брестская, Витебская, Гомельская области” (авторы – Адам Мальдис, Лидия Кулаженко, Светлана Саченко) есть такое уточнение: “Произведения Брестской крепости, городу посвятили... белорусские поэты... Стихотворения на эту тему написали поэты... русские Сергей Орлов, Сергей Островой, Лев Ошанин, Николай Доризо, Владимир Кузнецов, Роберт Рождественский... и др.” И далее: “Событиям, связанным с заключением подписанного в крепости Брестского мира 1918 года, посвящены произведения... Владимира Канивца “Брест, 1918”... Валентина Пикуля... и др.” За лаконичным и др. скрывается уникальная Брестская литературная, героико-художественная Атлантида. Во-первых, для начала следует вернуться в 1939 год. Осенью группа русских поэтов оказалась среди военных журналистов и политработников. Семён Кирсанов, Борис Горбатов, Александр Твардовский, Дмитрий Кедрин, Владимир Луговской, Евгений Долматовский, Илья Френкель, Яков Хелемский – у каждого из них нашлись слова, чтобы запечатлеть сентябрь 1939-го... Одно из стихотворений Якова Хелемского так и называется – “В тридцать девятом”:

*...О, если б мог я силу дать стихам,
Чтоб строки сохранили для потомков
Черты мальчишки с тощею котомкой,
Бегущего по праздничным шляхам,
Чтоб не забыли люди осень эту,
Погожесть распахнувшихся дорог,
Когда народ шагал из мрака к свету,
Как сирота, спешивший на восток.*

Возможно, тогда, в 1939-м, у Якова Хелемского сформировалось устойчивое представление о своём предназначении как переводчика яркой, сочной белорусской поэзии. Для многих читателей в России и на постсоветском пространстве мастерство и духовный мир Петруся Бровки, Аркадия Кулешова,

Максима Танка, Пимена Панченко, Рыгора Бородулина и многих других белорусских поэтов открывались благодаря именно переводам Якова Хелемского. Кстати, как раз за переводческую работу Яков Александрович был отмечен Государственной премией БССР имени Якуба Коласа (1980). А эти строки, адресованные Аркадию Кулешову, написаны Хелемским в 1958 году: “Белорусские реки // Звучат, как пастушьи жалейки. // Зазвенит Вилия – // Отзовется журчанье Вилейки. // Колоннады стволов // Протянулись над Птичью и Случью // Милых рек имена, // Словно русла лесные, певучи. // Ивы смотрятся в Дзурь, // А берёзы бурливой весною // Входят в воду по грудь // И любятяся Березиною. // Беловежская пуца, // Полесские старые чащи // В бочажках отразились, // В затонах, спокойно журчащих”. Из 1939 года и стихотворение Владимира Луговского “Беловежская пуца”. “Снег летит все студеней и гуще, // И трехтонки проходят гуськом. // Говорит Беловежская пуца // Монотонным ночным языком...” Но, конечно же, самая большая часть предполагаемой “брестской антологии” русской поэзии освещает тему Брестской крепости в Великой Отечественной войне, подвиг ее защитников в 1941 году. “Легенда о защитниках Бреста” – стихотворение Льва Ошанина. Первая его военная командировка в Беларусь тоже относится к 1939 году. В Великую Отечественную войну врачи признали поэта негодным к военной службе. Но вопреки такому решению поэт сумел побывать на многих фронтах. Чаще всего выезжал он в части и соединения 3-го Белорусского... Судьба другого поэта, который родился и вырос в Дагестане, и вовсе достойна отдельного повествования и, наверное, отдельного историко-литературного поиска. Аварский поэт Мухтар Абакаров родился в 1918 году. С ноября 1939-го служил в пограничных частях в районе Бреста. Там и принял бой с фашистами. Летом 1941 года был тяжело ранен. После госпиталя вернулся в родное село Амитли Хунзахского района. Затем снова пошёл на фронт. Воевал бойцом Дагестанского кавалерийского эскадрона в звании старшины. Погиб в 1944-м. Василь Макаревич перевел на белорусский язык два стихотворения аварского поэта – “Город Ельня” и “Баллада о капитане Гимбате Ганиеве”. Может быть, разлаженные литературные связи не станут помехой для выяснения обстоятельств “белорусской биографии” россиянина аварца Мухтара Абакарова. Среди защитников Брестской крепости – и русский поэт Михаил Иванович Петров. Он попал в фашистский плен, несколько раз был ранен. Жизнь этого человека, его непростая военная судьба вдохновили другого русского поэта – Олега Шестинского – на создание поэмы “Одиссея Михаила Петрова”. После Великой Отечественной Михаил Иванович долгие годы жил в городе Новая Ладога. Воевал в Беларуси и русский поэт Леонид Решетников. Был военным корреспондентом танковой армии. А после Победы офицером служил в Бресте. Брестской крепости Леонид Решетников посвятил стихотворение “Счастье”. А поэт Алексей Романов войну встретил в казармах Центрального острова Брестской крепости. С боем удалось ему вырваться из окруженной цитадели. Вступил в ряды народных мстителей. Под Барановичами немцы окружили отряд, в котором воевал поэт Алексей Романов. Вчерашний защитник Брестской крепости попал в плен. Много времени провёл он в Германии. В концлагере занимался подпольной работой среди военнопленных. Его стихотворение “Не забывай!” перевел на белорусский Степан Гаврусев. Петя Клыпа – один из юных защитников Брестской крепости. Поэму мужественному герою с непростой судьбой посвятил известный русский поэт Марк Лисянский:

*Нет, война — не смерч в пустыне,
Не история, а рана,
Не зажившая доньяне.
Наши первые печали
Стали славой поколений.
Мы о Бресте ведь узнали
Из немецких донесений.
А о тех, кто был в сраженье,
И о тех, кого убило,
Не писали, к сожаленью,
И куда писать-то было!*

*Наградных не посылали,
Орден не выдавали,
И в газетах не писали,
И в чинах не повышали!
А они — дорогу жажды,
Жизнь и смерть,
Огонь и воду —
Всё прошли — и не однажды! —
За всемирную свободу.*

Покидая Брест, не будем спешить выходить на большую дорогу. Сначала заглянем в Каменец, проедем в заповедную Беловежскую пуцу. Вспомним стихотворение Ярослава Смелякова “Белая вежа”. Вероятно, мало кто не знает в Беларуси этот памятник — Каменецкий столп, Белую вежу. Согласно Ипатьевской летописи, построена она между 1276 и 1288 годами. Руководил строительством мастер Алекса. Заказчик — волынский князь Владимир Василькович. Вежа должна была стать пограничным оборонительным форпостом. Место избрали самое что ни есть подходящее — на возвышенности, на левом берегу реки Лесная. Со стороны реки к веже подступала болотистая низменность, с трех сторон её окружал ров. Высота пятиярусной вежи — около 30 метров, толщина стен — 2,5 метра, внешний диаметр — 13,6 метра. Стены прорезаны бойницами... Сегодня Белая вежа — символ Брестчины, да и, пожалуй, всей Беларуси, символ исторической славы Отечества.

*Башня Белая вежа,
словно башни Кремля:
очертания те же,
та же наша земля.*

*Ты стоишь на границе,
высока и стара,
красных башен столицы
боевая сестра.*

*Меж тобою и ними
зыбкий висится мост,
золотистый и синий,
из тумана и звезд, —*

и для Ярослава Смелякова, который с Беларусью связан родственными узами, Белая вежа — тот духовный стержень, что соединяет времена и пространства.

Беловежская пуца, Белая вежа — притягательные символы в поэтических изысканиях Николая Добронравова, Андрея Вознесенского, других русских поэтов. Но география художественного слова зовёт нас в путь. Мы возвращаемся на дорогу, которая соединяет Брест с Москвой. Адреса, где будем останавливаться, укажут нам известные и не очень произведения русской литературы, поэтические и прозаические искания писателей народов России. Из Бреста доезжаем до Кобрин. Осенью 1813 года здесь служил Александр Грибоедов. С городом, его окрестностями связана судьба русского прозаика Константина Георгиевича Паустовского (1892–1968). Он находился здесь во время Первой мировой войны в составе санитарного отряда. Паустовский и Беларусь — тема многоплановая и достаточно сложная. Фактически здесь, в Беларуси, среди раскатов артиллерийской канонады, бесконечной пулемётной и оружейной пальбы, среди крови и мытарств выросла огромный писательский талант Паустовского. И об этом хотелось бы поговорить несколько подробнее. В “Повести о жизни”, во второй её части — “Беспокойная юность” — один из разделов носит название “Местечко Кобрин”. “Из Бреста мы вышли в местечко Кобрин, — так начинается повествование. — С нами ехал на своём помятом и исцарапанном форде пан Гронский. Брест горел. Взрывали крепостные форты. Небо вздымалось позади нас розовым дымом...” И далее: “К вечеру мы вошли в местечко Кобрин. Земля, чёрная, как каменный уголь,

была размешана в жижу отступающей армией. Косые дома с нахлобученными гнилыми крышами уходили в грязь по самые пороги.

Ржали в темноте лошади, мутно светили фонари, лязгали расшатанные колёса, и дождь стекал с крыш шумными ручьями.

В Кобрине мы видели, как увозили из местечка еврейского святого, так называемого “цадика”.

Гронский рассказал нам, что в Западном крае и Польше есть несколько таких цадиков. Живут они всегда по маленьким местечкам...”

В Кобрине санитары остановились в синагоге. По улице проходили походные кухни. Голодная толпа беженцев рвалась к котлам. Обезумевшие люди со стеклянными глазами затоптали, смяли мальчика, которого опекали и хотели накормить санитары. “Мы со Сполохом кинулись к мальчику, но толпа отшвырнула нас. Я не мог кричать. Спазма сжала мне горло. Я выхватил револьвер и разрядил его в воздух. Толпа раздалась. Мальчик лежал в грязи. Слеза ещё стекла с его мёртвой бледной щеки...”

Следы пребывания писателя К. Паустовского мы находим и в других местах Беларуси. Путешествовать с автором “Золотой розы” можно по его “Повести о жизни”, используя её как литературно-туристический путеводитель. Есть у него и такие белорусские страницы: “В Барановичах я отряда не застал. Он уже ушёл дальше, на Несвиж. Мне не хотелось даже на короткое время возвращаться в госпиталь. Трудно было встречаться с людьми. Я переночевал под городом в путевой железнодорожной будке по дороге на Минск, а утром выехал в Несвиж...” А в конце главы – и адрес: “Свой отряд я догнал в селе Замирье под Несвижем”. Замирье – это Городея. Городской посёлок и одноименная железнодорожная станция находятся совсем недалеко от Несвижа. До Городеи от Несвижа – 19 км. Зная, что в городском посёлке живет Борис Константинович Скачко – учитель, интересующийся краеведением, я несколько лет назад попытался его разыскать, но, к сожалению, опоздал. Борис Скачко уже умер. Вдова исследователя местной истории Аграфена Александровна Скачко любезно согласилась показать нам архив мужа. Смотрим черновики, фрагменты краеведческого повествования о поселении, которое известно с XVI столетия. Перелистаем сотни страниц, находим историю Городеи начала XX века. Автор рассказывает о жизни и быте своих земляков. Какой была Городея во времена Паустовского? Ещё в 1914 году по местечку в праздники маршировал духовой оркестр. На всё местечко – 5 питейных домов, 17 торговых лавок.

Среди других листочков из архива краеведа вместе с Аграфеной Александровной находим страничку с заголовком “История становления медицины в Городеи”: “В годы войны и революции помощь населению оказывали военные медики. В 1914–1917 годы в Городеи находился большой военный госпиталь, лечивший солдат Западного фронта”. Значит, всё верно – в нём-то и служил санитаром Паустовский.

Интересны наблюдения писателя, которыми он делится с читателем в “Повести о жизни”: “Белоруссия выглядела так, как выглядел бы старинный пейзаж, повешенный в замызганном буфете прифронтовой станции. Следы прошлого были ещё видны повсюду, но это была только оболочка, из которой выветрилось содержимое.

Я видел замки польских магнатов – особенно богат был замок князя Радзивилла в Несвиже, – фольварки, еврейские местечки с их живописной теснотой и запущенностью, старые синагоги, готические костёлы, похожие здесь, среди чахлах болот, на заезжих иностранцев. Видел полосатые верстовые столбы, оставшиеся от николаевских времён.

Но уже не было ни прежних магнатов, ни пышной и бесшабашной их жизни, ни покорных им “холопов”, ни доморощенных раввинов-философов, ни грозных Судных Дней в синагогах, ни истлевших польских знамён времён первого “повстанья” в костельных алтарях. Правда, старые евреи в Несвиже могли ещё рассказать о потехах Радзивилла, о тысячах “холопов”, стоявших с факелами вдоль дороги от самой русской границы до Несвижа, когда Радзивилл встречал свою любовницу авантюристку Кингстон, о многоручных охотах, пирах, самодурстве и шляхетском чванстве, глуповатой спеси, считавшейся в те времена паспортом на вельможное “панство”. Но рассказывали они об этом уже с чужих слов...”

В одной из поездок санитар Паустовский попал под обстрел. Был ранен в ногу, выпал из седла. Лошадь, к счастью, вытащила ухватившегося за стре-

мя раненого поближе к своим. Константин успел зажечь фонарик — и потерял сознание. По свету фонарика его и нашли солдаты-телефонисты. Месяц Паустовский пролежал в госпитале в Несвиже. Там и узнал — случайно, из старой газеты, — что на фронте погибли два его брата: “Убит на Галицийском фронте поручик сапёрного батальона Борис Георгиевич Паустовский”. “Убит в бою на Рижском направлении прапорщик Навагинского пехотного полка Вадим Георгиевич Паустовский”.

Константина отпустили в Москву, к матери. Из Несвижа он уезжал через Замирье. В Белоруссию потом вернулся, только чтобы уволиться. Причиной стало его прежнее письмо из Городеи-Замирья. На Западный фронт приезжал император. Как писал Паустовский: “Он посетил и Замирье. Ко времени его приезда было приказано привести село в порядок. Это выразилось в том, что из лесу привезли много ёлок и замаскировали ими самые дрянные халупы”. Письмо, где санитар рассказывал штатскому приятелю о визите императора, попало в военную цензуру. Больше Паустовского, предупредив, что он *отделался лёгким испугом*, на фронт не пустили.

А Замирье-Городея, Несвиж, минские и гродненские просёлки остались в судьбе и памяти Константина Паустовского на всю жизнь. И “всплыли”, как адреса художественного и жизненного опыта, только через тридцать лет, когда писатель начал работу над “Повестью о жизни”.

... Уже через многие годы после смерти писателя было опубликовано его стихотворение, написанное в сентябре 1915 года в местечке Снов — это совсем рядом с Замирьем:

*Ночевали в сараях. Дожди застлали
Хмурым утром суровую польскую даль.
Ругань. Злоба. По грязным шоссе громыхали
Днем и ночью обозы. Всё крепче печаль.*

*Где-то за лесом дальним назойливым громом
Батареи ворчали, трепался наш флаг
Над покинутым барским ограбленным домом.
И все близился твёрдый, испытанный враг.*

*Дети плакали ночью. Их бросила мама.
Кто-то трупы убитых спешил хоронить,
И пугала глубокая скользкая яма.
Здесь не надо жалеть, здесь не надо любить.*

*Вспоминались мне радуги зыбкого моря,
Яркий смех, плен узорных сентябрьских садов,
Предзакатные сны, светлоokie зори,
И в заре — опьяенная мукой любовь.*

... И если уж сделали мы остановку, побродили по адресам Паустовского, то, может быть, заглянем и на Дрогичинщину? Во-первых, думаю, что интересным мог бы показаться следующий факт. Ещё в 1908 году в деревне Брашевичи на средства русского книгоиздателя Ф. Павленкова (на 200 рублей!) была открыта бесплатная народная библиотека. А в Бездеже (там ещё существует уникальный и, наверное, единственный в мире музей фартучков) родился русский прозаик Дмитрий Стонов (1893–1962). Одно из самых ярких его произведений — роман “Семья Раскиных” (1928).

Адреса русской литературы на Брестчине — это и места службы Александра Блока на Полесье в Первую мировую войну. Белорусский писатель-документалист Николай Калинин (1950–1990) подробно рассказал о сопричастности автора поэмы “Двенадцать” к Беларуси в своей замечательной книге “Полесские дни Александра Блока” (Минск, 1985). А сейчас мне хотелось бы процитировать несколько строк из письма поэта, адресованного матери. Написано оно 21 августа 1916 года в полесских Колбах: “... Утром выезжаешь вёрст за пять, по дороге происходит кавалерийское ученье — два эскадрона рубят кусты, скачут через препятствия и пр. Раз прошла артиллерия. Аэроплан кружится иногда над полем, желтеет, вокруг него — шрапнельные дым-

ки, очень красиво. За лесом пулемёты щёлкают. По всем дорогам ездят дозоры, вестовые, патрули, во всех деревнях и фольварках стоят войска. С поля виднеется Минск, вроде града Китежа — приподнятый над туманом — белый собор, красный костёл, а посередине — поменьше — семинария. Один день — жара, так что не просыхаешь ни на минуту, особенно верхом. Другой день — сильная гроза, потом холодно, потом моросит. Очень крупные звёзды. Большая Медведица довольно низко над горизонтом, направо — Юпитер...” Да, в эти белорусские месяцы Блок не написал ни одного стихотворения. Но ведь сами полесские дни были в его биографии, наверное, и след какой-то оставили...

Своя страничка жизни, связанная с Полесьем, Беларусью, есть и у московского поэта Бориса Савича Дубровина. И не только потому, что есть у него стихотворение “Камни Бреста”: “Незажившая рана // Погибших героев — // Обожжённой стены полоса // В длинных молниях шрамов // Глазами пробоин // Поколениям смотрят в глаза. // Над моим изголовьем // Темнеют в ночи // Сквозь пространства и времени дым // Обагрённые кровью // И пламенем камни, // Одарённые духом живым...” Несколько лет назад мне довелось побеседовать с поэтом. И вот что я услышал от Бориса Дубровина:

— ...Когда я воевал на 1-м Белорусском фронте, времени смотреть по сторонам фактически не было. Но ещё раньше я немало узнал о Беларуси. Во мне течёт полесская кровь. Мама — Ася Хазан, — уроженка деревни Лемешевичи, что на Пинщине. Отец — комиссар 1-й Конной... В гражданской жизни был начальником цеха в конструкторском бюро Туполева. В 1937 году папу арестовали и расстреляли. А маму взяли за недоносительство на “врага народа”. 6 лет отсидела в Нижнем Востогане Остяко-Вогульского округа. Затем находилась на поселении на станции Усть-Тальменка Новосибирской области... Смотрю на Беларусь, встречаюсь с белорусами — и в душе, и на сердце только светлые чувства. Я и песню написал о российско-белорусской дружбе...

Возвращаемся на большую дорогу. Впереди у нас — Барановичи. Свои записи о впечатлении от встречи со станцией Барановичи оставил великий русский писатель, автор трилогии “Хождение по мукам” Алексей Толстой (1882–1945). В барановичской деревне Столовичи проходил службу в 1815 году русский поэт Кондратий Рылеев. Есть версия, что именно в это местечко на встречу с поэтом-декабристом приезжал поэт Тамаш Зан. Барановичи оказались и на пути прозаика, поэтессы, детской писательницы Софьи Захаровны Федорченко (1880–1959). Она служила сестрой милосердия в Первую мировую войну. Работала в том же санитарном поезде, что и Константин Георгиевич Паустовский. Подобно санитару Паустовскому, Софья Федорченко собирала впечатления о войне, чтобы затем использовать их в своём художественном творчестве. Правда, уже тогда, в 1914–1917 годах, она выбрала свою личную творческую формулу. Вот что рассказывает об этом литературовед Владимир Глоцер: “Федорченко долго думала о форме для книги. Перепробовала “разные формы, даже роман”. Случайно, во время спектакля в театре, она написала первый фрагмент из “Народа на войне” “каким-то неожиданным способом”: “...с непривычки, — вспоминала Федорченко, — я даже слегка испугалась, влезла в шкуру рассказавшего мне этот случай солдата, абсолютно забыв себя самоё”. Это действительно была необычная форма повествования о войне, когда в лаконичном, в несколько печатных строк, солдатском монологе рассказывалось о каком-либо неожиданном эпизоде из солдатской жизни, о мироощущении солдата или воспоминании его о своём доме, жене, детях... В мозаике этих высказываний вырисовывалась картина войны, жизни на войне и жизни в тылу. В каждом высказывании был, как правило, заключён маленький рассказ, сюжет, а в своей совокупности эти отрывки из солдатских разговоров, чрезвычайно колоритные по языку, создавали правдивый образ народа на войне...”

Впервые отрывки из книги “Народ на войне” были опубликованы в журнале “Северные записки” в 1917 году. И следом — в журнале “Народоправство”. Александр Блок, не зная, кто автор повествования, прочитав первые публикации, сделал следующую запись в своём дневнике: “Интересны записки “Солдатских бесед”, подслушанных каким-то Федорченко...” И ещё: “Но записки Федорченко всего интереснее, хотя не знаешь, кто он и что окрашивает, что слышит, что выбирает. Выходит серо, грязно, гадко, полно ненависти,

темноты, но хорошо, правдиво и совестно”. При жизни издать книгу “Народ на войне” полностью (а всего записи составили три тома) Софье Федорченко не удалось. Третий том был напечатан только в 1983 году. А в 1990-м были изданы все три тома вместе.

Первая мировая в окрестностях Барановичей – это и судьба удмуртского поэта Никифора Корнилова (1894–1976). В 1914 году его призвали в царскую армию. В Петергофе окончил школу прапорщиков. Отправили его на фронт, в район Барановичей. В армии Н. Корнилов участвовал в революционном движении. Был избран в комитет солдатских депутатов. Стал кандидатом в члены РКП(б). Никифор Корнилов – автор самой известной и самой любимой удмуртским народом песни “Сказал “прощай” и уехал...”

Если посмотреть на карту Беларуси, то неподалеку от Барановичей можно увидеть озеро Свитязь. Это, правда, уже Гродненщина, Новогрудский район. Но отдохнуть сюда едут и из Барановичей.

А мне на память пришло стихотворение Андрея Вознесенского “Свитязь”. Появилось оно на свет вовсе не случайно. У Андрея Вознесенского – своя сопричастность и к Беларуси, и к Новогрудчине, и к озеру Свитязь.

В последний раз А. Вознесенский приезжал на Свитязь летом 1998 года. Читал стихи у памятника Адаму Мицкевичу. Ранним утром прошёлся у озера. А пригласили его тогда на Новогрудчину белорусские друзья: легендарный председатель колхоза “Советская Белоруссия” дважды Герой Социалистического Труда Владимир Леонтьевич Бедуля, заместитель председателя Союза писателей Беларуси Виктор Герасимович Жак. К приезду Вознесенского и фестиваль поэзии на Свитязи организовали, и книгу стихотворений – “Свитязянский венок” – выпустили. Нашлось в сборнике место и другим “белорусским” стихотворениям Андрея Вознесенского.

А мы пока прервёмся в нашем литературно-географическом путешествии. Остановимся, почтай, в самом начале пути. Хотя адресов русской литературы в Беларуси не счесть. Но об этом расскажут другие страницы.

Скончалась известная русская поэтесса, видный общественный деятель, Оргсекретарь Правления Союза российских писателей, член Президиума Международного Литфонда Абаева Людмила Николаевна.

Абаева Людмила Николаевна родилась в шахтёрском городе Кизеле Пермской области в семье служащих. После окончания средней школы жила в Ленинграде, затем в Уфе (Башкирия), работала журналистом. Окончила в 1983 году Литературный институт им. А. М. Горького (поэтический семинар Анатолия Жигулина).

Людмила Николаевна стояла у истоков создания Союза российских писателей, проводила большую организационную работу, помогая писателям, оказавшимся в трудном положении в “перестроечные годы”, уделяя особое внимание региональным отделениям.

За своё творчество и за свою общественную работу она была награждена Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации, медалью Ф. Тютчева, медалью М. А. Шолохова, медалью А. Т. Твардовского и другими. Она являлась лауреатом Международной литературной премии им. М. А. Волошина, Литературной премии Министерства культуры Российской Федерации.

Правление Союза российских писателей выражает соболезнование всем родным, близким, друзьям и коллегам Людмилы Николаевны Абаевой.